

РЕДАКТОРУ «KÖLNISCHE ZEITUNG»

Публикация Л. М а н д е л ь ш т а м

Среди печатных материалов «пражской коллекции» Герцена — Огарева сохранилась газетная вырезка, содержащая текст письма Герцена на немецком языке к редактору какой-то газеты. Письмо послано из Лондона и помечено 16 июня. Ни название газеты, ни год издания, ни номер не обозначены. Однако вырезка содержит материал, позволяющий датировать появление письма в газете периодом от 18 июня до 6 июля 1854 г. и высказать догадку, что вырезка сделана из номера «Kölnische Zeitung» («Кельнской газеты»). Дело в том, что ниже герценовского письма в вырезке сохранился текст, содержащий сведения о жителях Кельна на 18 июня и объявление о предстоящих 6 июля 1854 г. торгах (в Амстердаме). На обратной же стороне вырезки напечатана корреспонденция из Бухареста о начальных событиях Крымской войны.

Годовая дата подтверждается сверх сказанного и содержащимся в письме упоминанием Герцена о семи годах своего «изгнания» (годом изгнания, как известно, Герцен считал год своего отъезда за границу — 1847 г.). Что же касается высказанного предположения о наименовании газеты, в которой появилось герценовское письмо, то наша догадка пока не могла быть документально проверена и подтверждена, так как нам не удалось найти комплекта «Kölnische Zeitung» за 1854 год.

Отправляясь от установленной даты письма, нетрудно вскрыть обстоятельства, побудившие Герцена выступить с этим письмом. Как раз в июне 1854 г. прусскими властями, действовавшими в данном случае по инициативе и просьбе русского правительства, было подвергнуто запрещению и изъято из книжных магазинов третье (немецкое) издание книги Герцена «О развитии революционных идей в России» (см. информацию об этом в «L'Норме», 1854, № 31, от 28 июня). Книга вышла в Гамбурге у издателей Гофмана и Кампе и из цензурных соображений называлась «Russlands sociale Zustände» («Социальное положение России»). По получении этого известия «Kölnische Zeitung» (или другая немецкая газета, если наша гипотеза неверна) в номере от 12 июня 1854 г., поместив сообщение о репрессиях, которым подверглась книга, клеветнически заявила, что изъятое сочинение служит «скорее на пользу нежели во вред царю». При этом редакция пустила в ход, в качестве подлинных цитат из Герцена, свои собственные измышления, а герценовские высказывания искажила до неузнаваемости. Всё это и вызвало Герцена на немедленный публичный протест.

В заметке, предварявшей публикацию письма и также сохранившейся в вырезке, редакция писала: «Г-н Герцен прислал из Лондона в редакцию пространное письмо от 16 июня с просьбой опубликовать его. Мы приводим ниже в выдержках основной текст этого письма».

Таким образом, полный текст письма Герцена остается нам неизвестным. При этом следует думать, что сокращения, произведенные редакцией, имели тенденциозный характер. К такому предположению склоняет следующее исполненное вражды или глубочайшего непонимания по отношению к Герцену замечание от редакции, помещенное после текста письма: «Нам остается только добавить, что мы с своей стороны разделяем точку зрения, что петербургский кабинет может ожидать от литературной деятельности г-на Герцена (равно как и от деятельности Кошута и Джерсийского комитета) не столько возбуждения демократически-социалистических элементов внутри страны, сколько ослабления своих западных врагов. Это отнюдь не мешает нам очень сожалеть о неточностях в приведенных цитатах, а также заявить, что по имеющимся у нас достоверным данным, полученным из Лондона, полная искренность г-на Александра Герцена не подлежит никакому сомнению.— Редакция».

Ни в «Канве биографии Герцена», составленной Лемке, ни в переписке Герцена и литературе о нем нет никаких упоминаний о публикуемом здесь письме Герцена, а также о вызвавшем это письмо сообщении немецкой газеты от 12 июня 1854 г.

London. 16 Juni 1854

Herr Redacteur!

Indem Sie am 12 d. M. die Beschlagnahme meines Werkes über Russland anzeigen, wiederholen Sie zugleich auf das Zeugnis eines berliner Korrespondenten, dass das beschuldigte Werk — «der Sache des Zaren eher *vorteilhaft* als schädlich sei». Und *deshalb* hat man in Berlin das Buch mit Beschlag belegt? Nun, ich stelle mich selbst und gestehe, dass ich ein russischer Agent bin; *ein* — wie ich in einer Rede bei einem polnischen Meeting in London sagte (einer Rede, die auch sehr *vorteilhaft* für den Zaren war)¹ — *zufälliger Repräsentant* des jungen Russlands, des Russlands, welches vor Wut bebt... des Russlands, dessen heiliges Glaubensbekenntnis die völlige Unabhängigkeit Polens, die Vernichtung des Kaisertums von Petersburg und die Schöpfung einer slawischen Föderation ist.

Nach sieben Jahren der Deportation, nach abermals sieben Jahren der Verbannung, habe ich, zum Teil wenigstens, zwei Dinge erreicht, die ich mir vorgenommen hatte. Ich habe der hochmütigen Unwissenheit unserer Nachbarn gezeigt, dass Keime der Zukunft im russischen Volke da sind. Wenn ich mich darin auch irrte, so habe ich wenigstens die Aufmerksamkeit dafür erweckt. Ferner habe ich für meinen Teil eine Batterie gegen den Zaren errichtet, — ich habe eine russische Druckerei organisiert, welche unaufhörlich (und das gratis) druckt, und welche der russischen Regierung viel mehr schlechtes Blut als alle Protokolle ihrer Diplomaten macht.

Schliesslich muss ich Ihnen sagen, dass die halben Zitationen, welche in dem Artikel vorkommen und teilweise *nicht aus* dem Buche genommen sind, entweder ganz verfälscht sind oder in einer Weise beleuchtet werden, welche ihren Sinn völlig entstellt. Da, wo ich von der slawischen Föderation spreche, hat man Russland gesetzt, und unter Russland versteht man das Russland wie *es jetzt ist*. Und das alles, um die preussische Polizei zu entschuldigen.

Перевод:

Лондон. 16 июня 1854 г.

Господин редактор!

В номере газеты от 12 с. м., сообщая о запрещении моего сочинения о России, вы повторяете утверждение одного берлинского корреспондента, что запрещенное сочинение служит «скорее *на пользу* нежели во вред царю». Не *потому ли* в Берлине и наложили запрет на книгу? Теперь я сам являюсь с повинной и признаю, что я русский агент; как я уже сказал однажды в речи на польском митинге в Лондоне (речи, очевидно, также принесшей большую пользу царю)¹ — *случайный представитель* молодой России, трепещущей от ярости России, той России, символ веры которой — полная независимость Польши, уничтожение петербургской империи и создание славянской федерации.

После семи лет ссылки и еще семи лет изгнания мне удалось, по крайней мере частично, выполнить две поставленные себе задачи. Я показал высокомерному невежеству наших соседей, что в русском народе есть зародыши будущего. И если я тут и ошибался, то, по крайней мере, я привлек внимание к этому вопросу. Затем я и сам соорудил батарею против царя — мной организована русская типография, которая непрерывно (и притом бесплатно) печатает и которая портит русскому правительству кровь куда более, чем все донесения его дипломатов.

В заключение я должен сказать вам, что половина цитат, приведенных в статье и частично взятых *не из* книги, либо совершенно фальсифицирована, либо подана с полным искажением их смысла. Там, где я говорю о славянской федерации, поставлена — Россия, а под Россией подразумевается *нынешняя Россия*. И все это сделано для того, чтобы оправдать прусскую полицию.

Газетная вырезка. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 14 и 15 (имеется два экземпляра).

1 Упоминаемый Герценом польский митинг, посвященный 23-й годовщине польского восстания 1830 г., состоялся в Лондоне 29 ноября 1853 г.

Герцен имеет в виду следующее место из своей речи, произнесенной на этом митинге:

«Граждане, пять лет тому назад наш друг Михайло Бакунин являлся в ту же годовщину на трибуне польского собрания в Париже и предлагал союз демократической Польши с русскими революционерами.

Эта мечта всех благородных умов польской эмиграции, наша мечта с самых юных лет, начинает осуществляться.

В том сибирском Митинге в Гамбург... (фрагмент цитаты)

Der Alexander Herzen

schickt der Redaction d. d. London, 16. Juni, mit der Bitte um Veröffentlichung...

Ich bin die am 12. d. M. die Besichtigung meines Werkes über Russland...

Nach sieben Jahren der Exposition, noch abermals sechs Jahren der Verbannung...

Schließlich mag ich Ihnen sagen, daß die hohen Situationen...

dem Werke genommen sind, entweder ganz zerfallen sind oder in einer Weise...

Wir haben nur zu bemerken, daß wir untertheils die Ansicht theilen...

Verzeichniss-Chronik des Regierungsbezirks Köln.

Dem Herrn Friedrich Thielmann zu Ehrenbestimmungen die Schriftstelle...

Für die Abgeordneten der Gemeinde Stadthülff sind neuer bei dem Herrn...

Werbencourse der Staatspapiere und Actien.

Amsterdam, 10. Juni, 1 Uhr 2 1/2 % wirt. Schuld 52 1/2 %...

Wahlzettel der Stadt Köln. - 18. Juni Geburten, Tode, Ehen, Verheirathungen...

Niederländische Handels-Gesellschaft. Amsterdamsche Handelsmaatschappij. Die Direction trägt an, daß durch sie verkauft werden sollen...

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «KÖLNISCHE ZEITUNG» ОТ 16 ИЮНЯ 1854 г.

Газетная вырезка. Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Польша, как я сказал в другом месте, прощает нас, она разрывает круговую поруку, естественно существующую между народом и его правительством...

Я подошел к польским друзьям моим не как отдельное, разобщенное со своим лицом, отказывающееся от своего отечества, просящее забыть свое начало...

Когда поляки подают нам свою руку, покрытую рубцами, на примирение, можно ли сомневаться в существовании революционных начал в России?